

Фольклорист на чужом поле

Форум

Аннотация. С семиотической точки зрения фольклорная традиция есть передача по каналам устной коммуникации культурно и социально значимых сообщений. Основными характеристиками фольклора можно считать тесную его взаимосвязь с динамическим взаимодействием людей в вернакулярных контекстах в противовес жестким институциональным каналам и застывшим социальным структурам. При таком понимании фольклорной традиции фольклористика оказывается дисциплинарной областью, которая накапливает уникальный исследовательский опыт одновременно как в отношении осмысления транслируемых сообщений, так и в отношении методологических принципов работы с текстами и механизмами их передачи. Это позволяет предположить, что в исследовательской практике в смежных областях могут оказаться продуктивными два варианта переноса теоретических ресурсов фольклористики: по наличию фольклорных элементов в исследуемом материале и по общим принципам работы с текстами (в широком семиотическом смысле).

В рамках форума участникам – исследователям, имеющим значительный опыт полевой работы и теоретического осмысления устной традиции – были предложены для обсуждения вопросы, касающиеся границ предметной области фольклористики, использования ее методологического инструментария для анализа объектов иных дисциплинарных полей, взаимодействия фольклористики с другими научными дисциплинами и др.

Ключевые слова: фольклор, фольклористика, методология, междисциплинарность

Для цитирования: Фольклорист на чужом поле: форум // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 2. С. 15–48. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-2-15-48

Folklorists out of their element

Forum

Abstract. From the semiotic point of view, folklore tradition is transmitting culturally and socially significant messages via oral communication channels. Strong interrelation to dynamic interaction of people in vernacular contexts (as opposed to rigid institutional channels and static social structures) is one of folklore's primary characteristics. With this perception of folklore tradition, folklore studies become a disciplinary area that accumulates unique research experience both on comprehension of transmitted messages and on methodological principles of working with texts and mechanisms of their transmission. This allows us to suggest that in research practice in neighboring fields two variants of transference of folklore studies' theoretical resources may prove productive: according to presence of folklore elements in the studied material and according to general principles of working with texts (in the broad semiotic sense of the word).

The participants of the forum, all of them researchers with extensive experience in field work as well as in theoretical comprehension of oral tradition – were offered various problems for discussion. These problems included, but were not limited to, the boundaries of folklore studies' object field, employing folklore studies' methodological tools for analysis of other disciplinary fields' objects, interaction of folklore studies with other academic disciplines, etc.

Keywords: folklore, folklore studies, methodology, interdisciplinarity

For citation: "Folklorists out of their element. Forum", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 15–48. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-2-15-48

В форуме «Фольклорист на чужом поле» приняли участие:

Серафима Евгеньевна Никитина (Институт языкознания РАН, Москва, Россия);

Никита Викторович Петров (Российский государственный гуманитарный университет / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия);

Ирина Алексеевна Разумова (Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Россия);

Андрей Львович Топорков (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия);

Лариса Львовна Фиалкова (Хайфский университет, Хайфа, Израиль);

Петр Янечек (Petr Janeček) (Карлов университет, Прага, Чехия);

Уло Валк (Ülo Valk) (Тартуский университет, Тарту, Эстония).

Редколлегия журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика» предложила участникам дискуссии ответить на следующие вопросы:

Где вы видите рубежи предметного поля фольклористики? Что обязательно надо / целесообразно считать фольклором, а что категорически к нему не относится? По каким принципам производится такого рода разграничение?

Какие фрагменты опыта исследования устных традиций особенно продуктивны при анализе нефольклорного материала?

С какими научными дисциплинами в наибольшей степени смыкается современная фольклористика? Какие «чужие» методы ей в наибольшей степени полезны?

Какие еще важные проблемы остались за пределами этой анкеты?

Серафима Е. Никитина

*Институт языкознания РАН, Москва,
Россия, seniki38@mail.ru*

1

Думаю, что следует различать ядро фольклорных текстов и периферию, очень размытую. Ядро определяется классическими признаками: 1) устной традицией (преимущественно), т. е. устной передачей текстов между многими или, по крайней мере, несколькими поколениями (в течение достаточно продолжительного времени); 2) незначимостью проблемы авторства текста, если таковое существует в истории этого текста; 3) наличием отмеченной Богатыревым и Яковсоном предварительной цензуры текста коллективом и вытекающей из совокупности указанных признаков; 4) вариантносью/вариативностью фольклорных текстов в допустимых традицией рамках. Существенно, что эти признаки могут характеризовать тексты самых разных сообществ. Если существуют и устная, и письменная традиция передачи текстов одновременно, то они могут различаться функционально. Так, письменная традиция духовных стихов в течение нескольких веков у староверов реализуется во многих рукописных и печатных сборниках. У духовных стихов, помещаемых рядом с литургическими и поучительными текстами Отцов Церкви, существенно возрастает их собственная значимость и возможность устного воспроизведения при наличии сопровождающего словесный текст крюкового письма, особенно у знающих певческую грамоту. Также некоторые апокрифы и заговоры, обладая обережной функцией, именно в письменном виде сопровождают людей в опасной дороге, хранятся в красном углу за иконами, оберегая дом от пожара. У духоборцев

до сих пор необходимо перед смертью прочитать (раньше только устно, теперь и в письменном виде) существующий во множестве вариантов псалом (апокриф) «Сон Богородицы», чтобы Богом были прощены все грехи умирающего. Это делает по возможности сам умирающий или его близкие, обеспечивая ему вхождение в Царство Небесное.

Разнообразная периферия фольклора в последнее время особенно быстро растет и воспринимается исследователями как современный объект фольклористики. Фольклористу при этом следует опираться на избранную им одну из дефиниций фольклора, а таковых, к тому же существенно разных, в настоящее время существует, по-видимому, немало.

2

При записи нефольклорного материала полезно использовать методы включенного наблюдения, интервью или беседы с информантом, однако, как мне кажется, эти методы независимо от фольклористики существуют в социологии, психологии и других науках.

3

Фольклористика во все времена своего существования была связана с историей, литературой и искусствоведением, особенно с пространством иконописи, где чаще всего бытовали сюжеты, используемые далее в фольклорных произведениях. В недавнюю эпоху многие фольклористы постоянно обращались к литературоведению в поисках методов художественного анализа фольклорного текста, по их мнению, непременно обладающего эстетической составляющей как главной. Очевидно, что некоторые жанры фольклора, особенно обрядовые, теснейшим образом связаны с этнографией, о чем написано много работ. В настоящее время развиваются связи с социологией, особенно в области изучения городского фольклора. Сам фольклор состоит из словесного и музыкального фольклора, и в изучении песенной традиции этномузыковедение и словесная фольклористика нерасторжимо связаны в исследовании общего предмета – распетого слова, исследованием чего наиболее успешно обычно занимаются этномузыковеды, не обращаясь к помощи фольклориста-словесника или лингвиста.

Я же остановлюсь на анализе слова *поле* и словосочетания *чужое поле* применительно к теме форума, поскольку сама как лингвист и отчасти фольклорист, по крайней мере, полевой фольклорист, нахожусь меж двух полей, в последние десятилетия постоянно переходя от одного к другому.

Что значит слово *поле* в профессиональной жизни представителя гуманитарных наук, накапливающего свой материал исследования в многочисленных скитаниях по населенным пунктам одной или многих стран мира? Наверное, прежде всего это реальное физическое пространство, в котором живут и действуют его информанты. Однако условно можно назвать полем и то ментальное пространство, в котором рождаются идеи, методы и методики описания полученного полевого материала. Кроме того, можно потенциальным полем назвать все сведения и тексты, которые есть в других источниках, кроме собственных материалов. Например, можно сказать: «В поле моего исследования вошло и много архивных материалов». Наконец, полем можно назвать все пространство той науки, в которой обычно живет и действует исследователь: это и будут все перечисленные выше поля, связанные друг с другом множеством самых разнообразных связей и способов представления как материала, или объекта, так и пространства методологии и создаваемого при помощи ее инструментов анализа предмета. И если можно сказать, что ученый бывает на чужом поле (например, фольклорист или лингвист), то что это может значить? Он может зайти на чужое поле в поисках материала и в чужое поле инструментов описания этого материала.

Что значит в этом контексте прилагательное *чужое*? Оно может употребляться только тогда, когда есть свое поле. Когда студент первый раз едет в фольклорную экспедицию, он оказывается не на чужом поле, а на поле, которое может стать своим или остаться чужим, если его исследование будет прервано и/или не приведет ни к каким результатам или если он не захочет это исследование продолжать. Если фольклорист освоил полевой материал чужого поля и поля его инструментальных исследований, то есть может быть профессионалом еще в одной научной области, то можно ли сказать, что это поле стало своим? Фольклорист Н.М. Ведерникова считает, например, что она почти всю свою профессиональную жизнь русского фольклориста провела на чужих полях, работая в Институте прикладного искусства в качестве исследователя народного искусства самых разных этносов Советского Союза, а затем в Институте культурного и природного наследия на поле культурной географии, исследуя структуру культурного ландшафта Русского Севера и описывая (объясняя) ее с помощью бытующего там фольклора, т. е. используя материал своего поля для описания чужого поля. Так, для описания культурного ландшафта Кенозера Н.М. Ведерникова привлекла тексты местных сказаний, легенд и современных рассказов, постепенно приобретающих характер легенд. Совокупность этих текстов и их анализ помогли объяснить прошлое

и настоящее Кенозерья. Здесь отчетливо проявляется прагматическая функция фольклора.

Перейду теперь к краткому напоминанию о продуктивных связях фольклористики и лингвистики.

Язык фольклора стал полем самых разных лингвистических исследований, например, описания синтаксиса разных фольклорных жанров или подходов к фольклорной диалектологии. Прижилось название *лингвофольклористика* для именованя предметов и методов описания языка фольклора как общего объекта этих двух наук. В этой области отмечу два направления исследований: разработку разного вида словарей языка фольклора и построение фрагментов фольклорно-языковой картины мира. Оба этих направления, инициированные лингвистами, требуют от исследователей знания глубинных ментальных основ фольклорного мира, ведущих к языковым реализациям – текстам и ключевым словам, называющим культурные смыслы – концепты, и указывающих их роль в картине фольклорного мира. Таким образом, термин *концепт* оказывается существенно важным и в лингвистике, и в фольклористике, как и введенное ранее в эти науки противопоставление варианта и инварианта.

Лингвофольклористика соединяет поля двух наук в одно общее пространство, где объекты и методы разных полей связаны друг с другом челночным способом.

Так, хочу отметить плодотворность и для лингвистики, и для фольклористики сравнительного словарного описания как бы одинаковых ключевых слов фольклорных текстов разных профессиональных групп – у меня это старoverы, молокане и духовборцы. За ключевыми словами могут стоять разные концепты культуры. Так, в результате моего тезаурусного описания таких общехристианских терминов, как *пост*, *молитва* и *милостыня* (слова из Нагорной проповеди Христа), я получила не совпадающие концепты по их концептуальным, или семантическим, полям (эти два лингвистических термина далеко не все лингвисты различают). Я также поняла, что функционально близкие поля духовных стихов и духовных песен молокан не являются близкими по содержанию. Для того чтобы в этом разобраться, я должна была «ходить» на чужие поля веры, изучая догматику, обряды и запреты каждой из них. Прибавилась третья наука, третье поле – религиоведение. Тем самым теоретическое разделение человеческого опыта на три сущности, онтологически разные: культуру, веру и язык – при описании фольклора профессиональных культур (и не только фольклора!) оказалось необходимым.

4

Представляется, что очень актуальной темой современной лингвофольклористики могло бы стать описание разрушения, или забвения классического традиционного фольклорного текста, происходящее уже многие десятилетия во всех фольклорных жанрах, но в каждом из жанров по-своему: так, нарратив уходит в пересказ, лирика теряет строчки и куплеты, а что, например, происходит с обрядовыми песнями?

Ситуация разрушения очевидна, но, как представляется, очень мало изучена, а между тем пристальное внимание фольклористов к ней могло бы дать им весьма важный материал для изучения современной народной аксиологии и в то же время особенностей человеческой памяти, связи в ней словесной памяти и музыкальной (для песенной культуры, вспомним также Лорда!).

В ситуации неизбежного разрушения традиционного фольклора необходимо фиксировать все стадии забвения текста, а также отношение исполнителя к слушателю, в том числе исследователю.

Известно явление контаминации – но когда контаминации текстов говорят о творческой динамике текста, а когда о его забвении, и чем эти контаминации различаются по своей структуре?

Много дают комментарии исполнителя, сопровождающие воспроизведение текста, когда они вкладываются во временную норму перерыва между строфами, значит, текст еще держится.

Антропологический поворот в фольклористике, на мой взгляд, это поворот к человеку – творцу и исполнителю одновременно, это поворот к его самосознанию, в частности, к его пониманию происходящего и оценке самого факта забвения и разрушения традиционных фольклорных текстов.

Никита В. Петров

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, nik.vik.petrov@gmail.com*

1; 2

В Австрии, где в 2019 г. с Ильей Жениным мы давали лекцию об опыте осмысления войны в публичном пространстве на примере Интернет-ресурсов pastandnow.ru и zeitzeugen-portal.de, один из немецкоговорящих коллег заинтересовался тем, как верифицировать устноисторический источник. Его интересовало, является ли правдой фрагмент легенды про Сталина, который облетал на самолете с иконой Москву, чтобы немецкие войска не вошли в город. Я рассказал ему про исследование Элиота Оринга [Oring 2008].

Там он блестяще описывает механизмы и детали, которые формируют установку слушателя городской легенды на достоверность. Дальше диалог: «А кто этот Оринг?» – «Фольклорист». <...> [*пауза, недоуменное молчание, смех*]

Понятно, что есть страны, где фольклористика как наука дискредитирована, но в Европе и Америке существуют сообщества (например, International Society for Contemporary Legend Research, Belief Narrative Research), которые используют термин, придуманный в 1846 г. для обозначения рамки своих исследований.

Границы предметного поля в российской фольклористике, которая внутри раскола на множество фракций, использующих различную методологию исследования и описания: от выделения «художественно-поэтических средств» анализируемых текстов и их комментирования до исследования интернет-мемов – обсуждать непродуктивно. Проще говорить про пограничное поле, которое мигрирует то в одну дисциплинарную плоскость, то в другую. Начиная с 2000-х гг. многие фольклористы либо отказывались от стигмы «я фольклорист», мигрируя в другие области знания, либо стали представляться «антропологами». Какие бы причины мы этому ни нашли, их все равно будет мало для объяснения этого явления, но, как мне кажется, «фольклорист» воспринимается в современном массовом дискурсе как нечто странное и причудливое, возможно, даже реликтовое, непонятно как сохранившееся. В отличие от «антрополога», который звучит тоже непонятно, но по крайней мере уже привычно и модно. А «фольклорист», согласитесь, это сермяжно и кондово. Почему так? Это, в свою очередь, вероятно, связано с общим непониманием того, чем занимается фольклорист. А действительно, чем? Что оказывается предметом исследования? Фольклор? И вот тут та ниточка, которая приводит нас к работе середины XX в. про определение фольклора. Френсис Ли Атли в статье [Utley 1961], разбирая все возможные определения нашей области знания, предлагал сузить сам объект исследования до «литературы, передающейся устным путем» и «поиска ее источников». Сейчас, зная о сетевых текстах и перефразируя Атли, можно было бы написать о «литературе/текстах, передающихся путями, похожими на устный». Но что такое «путями, похожими на устный»? Поэтому и это определение подвисает в воздухе, и расширить его можно, только прописав базовые основы дисциплины и составляя нормативные и контекстуальные словари, которые и будут показывать *langue* дисциплины и ее *parole*.

Во время публичных лекций для объяснения того, чем мы занимаемся, я обычно пользуюсь размытым определением «фольклор – это слова, действия, изображения, которые рас-

пространяются, тиражируются, видоизменяются и, включаясь в социальное пространство, выражают личные и коллективные эмоции, часто влияя на поведение людей», что достаточно для того, чтобы уйти от набивших семантическую оскомину «традиции», «народ», «устное народное творчество». Но лучше всего было бы выстроить дисциплинарные кордоны, где, с одной стороны, были бы тексты, передающиеся устно, и их учет и анализ (а это фольклористы умеют, достаточно вспомнить огромное количество указателей сюжетов и мотивов мировых литератур), а с другой – механизмы варьирования, трансмиссии и традирования этих текстов. А второй шаг для определения дисциплины – ревизия набора классиков и современников, которых время от времени надо вытаскивать из карманов времени или переводить свежие работы и публиковать. Например, невероятно интеллектуальная книга С.В. Савченко «Русская народная сказка. История собирания и изучения»¹ ждет своего часа. Или работы классика XIX в. Вильгельма Маннхардта (Wilhelm Mannhardt) про низшую мифологию. Или книга 2019 г. Уильяма Аспрея и Джеймса В. Кортады [Aspray, Cortada 2019]. Сценарий, который я описал, вряд ли возможен: фольклористика растеклась по разным дисциплинарным полям, и собрать ее в один четко определяемый набор инструментов – это работа для большой группы исследователей на несколько десятков лет.

3

Мне кажется, полезное из лингвистики, биологии и генетики, что могло бы быть связано с фольклористикой, – это количественные методы исследования, построение филогенетических деревьев и лингвистические процедуры реконструкции языковых форм. Одна из знаковых для меня работ в этой области – исследование про сюжеты ATU 333 и ATU 123. Джамшида Теграни (Jamshid Tehrani) и его группы, которые, анализируя сходство и различия сюжетов 1) о Красной шапочке и 2) о волке и съеденных детях, показали различие этих сюжетов в Африке и контаминацию в Азии [Tehrani 2013].

Кажется, фольклористы в общей своей массе быстро проскочили этот очередной «поворот», сосредоточившись на риторических драмах о пользе или вреде того или иного инодисциплинарного метода или на описании отдельных кейсов и публикации полевых материалов.

---

¹ Савченко С.В. Русская народная сказка: История собирания и изучения. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1914.

Литература

- Aspray, Cortada 2019 – *Aspray W., Cortada J.W.* From Urban Legends to Political Fact-Checking. Online scrutiny in America. Springer, 2019. 146 p.
- Oring 2008 – *Oring E.* Legendry and the Rhetoric of Truth // *The Journal of American Folklore*. Vol. 121. No. 480 (Spring, 2008). P. 127–166.
- Tehrani 2013 – *Tehrani J.J.* The Phylogeny of Little Red Riding Hood [Электронный ресурс] // *PLOS ONE*. 2013. Vol. 8. No. 11. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0078871> (дата обращения 1 дек. 2019).
- Utley 1961 – *Utley F.L.* Folk Literature: An Operational Definition // *The Journal of American Folklore*. 1961. Vol. 74. No. 293. P. 193–206.

References

- Aspray, W. and Cortada, J.W. (2019), *From Urban Legends to Political Fact-Checking. Online scrutiny in America*, Springer, Switzerland.
- Oring, E. (2008), “Legendry and the Rhetoric of Truth”, *The Journal of American Folklore*, vol. 121, no. 480, pp. 127–166.
- Tehrani, J.J. (2013), “The Phylogeny of Little Red Riding Hood”, *PLOS ONE*, vol. 8, no. 11, [Online], available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0078871> (Accessed 1 Dec. 2019).
- Utley, F.L. (1961), “Folk Literature: An Operational Definition”, *The Journal of American Folklore*, vol. 74, no. 293, pp. 193–206.

Ирина А. Разумова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона –
филиал ФИЦ «Кольский научный центр РАН»,
Апатиты, Россия; irinarazumova@yandex.ru*

1

В определении предметной области «фольклора» менее всего хотелось бы настаивать на категоричности. Мы слишком хорошо осознаем, что содержание понятия «фольклор» значительно менялось исторически. Соответственно, оно варьирует и в рамках разных концепций: от распространения на всю сферу «народной культуры» до применения только к устным словесным текстам, принадлежащим к ограниченному кругу установленных на данный момент «жанров». В такой ситуации проще всего руководствоваться правилом указывать используемое значение понятия в конкретном случае. В последние годы мне этим термином приходится пользоваться все реже – не только в силу изучаемой тематики, но и по причине «многозначности» понятия. Когда фольклорные феномены (сразу оговариваюсь, что отношу к ним только словесные тексты, пусть и неотделимые от иных этно-

графических и социальных феноменов) не являются основным предметом изучения, они могут привлекаться в качестве сопоставительного или дополнительного материала, быть включенными в тексты и практики иной природы и т. д. В таких случаях в особенности требуются более строгие и конкретные понятия, которые соответствуют определенным свойствам текста: устности (способу трансмиссии), формульности (знаковости), спонтанности, ситуативности, групповой принадлежности, устойчивости во времени и социальном пространстве, укорененности в этнокультурной традиции и некоторым другим признакам. А здесь уже представляется аксиоматичным, что, во-первых, любое свойство может быть выражено в разной степени, во-вторых, признаки находятся в различных конфигуративных и иерархических отношениях. Для описания этих отношений и конкретных текстов удобнее использовать атрибутивные и процессуальные термины: «фольклоризация», «фольклорность».

Заслуживает, как минимум, уточнения тезис, сформулированный в преамбуле круглого стола: «Основными характеристиками фольклора можно считать тесную его взаимосвязь с динамическим взаимодействием людей в вернакулярных контекстах в противовес жестким институциональным каналам и застывшим социальным структурам». Устойчивость социальных структур и институтов, как правило, обусловлена их адаптивностью, то есть динамическими процессами внутренней реорганизации. Устная традиция способствует поддержанию этих структур и свидетельствует о необходимом уровне интегрированности. В этой связи достаточно упоминания об институтах семьи и родства, которые порождают богатую устную традицию. Кроме того, не может исключаться использование институциональных каналов трансляции фольклорного материала. Напротив, оно оказывается весьма продуктивным не только для достижения определенных целей, например территориального брендинга или политических, но и с точки зрения культурной трансмиссии местных, профессиональных и иных, в том числе институциональных, традиций.

2

К теоретическим ресурсам фольклористики в первую очередь относятся способы идентификации, сопоставления и интерпретации текстов на основе определенных признаков, в какие бы культурные системы (СМИ, литература, кибер-среда, повседневность, ритуалы, социальные взаимодействия и т. д., и т. п.) такие тексты ни включались.

К «опыту» фольклористики я бы отнесла прежде всего владение чрезвычайно обширными данными о фонде сюжетов, мотивов,

персонажей устной культуры разных этнических традиций; специальное знание о типах и структурах песенных, повествовательных, ритуальных текстов, об универсальных и культуроспецифических принципах и условиях их конкретного воспроизведения и функционирования в целом; о возможностях и ограничениях их варьирования; о способах исполнительства и типах исполнителей (рассказчиков, «носителей»); наконец, знание самих текстов, формул, «общих мест», умение их распознавать в массивах «текстов культуры». Фольклористика – наука по преимуществу описательная, систематизирующая, практическая. Когда речь заходит о «методологии», возникают немалые сложности. Другое дело – многообразие методик «добывания», фиксации, переформатирования устных текстов (в письменные, печатные, звуковые, разыгрываемые и прочие), их публикации. Особо можно отметить разработанные принципы подготовки академических изданий фольклорных текстов. Продуктивен постоянный научный поиск в области каталогизации фольклора.

Фольклористикой накоплен большой и бесценный опыт, которым она уже давно поделилась с этнографией и социальной антропологией, устной историей, лингвистикой, социологией. Отечественные фольклористы во многом инициировали новые направления антропологических исследований. Это касается антропологии города (что показал в докладе на конференции М. Алексеевский), антропологии религии и культуры религиозно-церковных общин (работы А.В. Тарабукиной, М.В. Ахметовой), культуры семейно-родственных общностей, субкультур и др.

Значительны результаты фольклористики в разработке инструментария структурного анализа, сравнительного текстологического (и музыковедческого в случае песенного фольклора) анализа на разных уровнях организации текста. Названным не исчерпывается перечень «методов среднего уровня», которые в значительной степени развивались в рамках фольклористических исследований.

Идентификация текста (сюжета, мотива, персонажа, речевого клише и пр.) как «фольклорного» по происхождению, функционированию, форме способствует углубленному и корректному анализу не только произведений литературы и искусства разных эпох, медийной продукции, но и любых источников, включая документальные. Если фольклорно-литературным (книжным) взаимовлияниям и параллелям посвящено огромное число исследований разного уровня (теоретической основательностью отличаются труды С.Ю. Неклюдова), то значение фольклористики для исторического источниковедения обычно не подчеркивается. Между тем умение определить фольклорную природу источника

(чаще – текстового включения в него) и понимание его специфики избавляет историческую науку от очевидных ошибок (вспомним противостояние Б.Н. Путилова и других фольклористов и «исторической школы»), которые фольклорист находит в том числе в трудах современных историков. Думается, что дисциплина «источниковедение» значительно бы выиграла от включения в ее программу раздела не просто о «специфике фольклора как источника», но о возможностях перекодирования фольклорных источников в документах и текстах разного целевого назначения и времени, а также о технологии анализа. Фольклористические знания и методы совершенно необходимы специалистам по устной истории и социологам, применяющим качественную стратегию исследования.

3

Фольклористика, неразрывно связанная с этнографией, более всего близка социальной и исторической антропологии. Вместе с литературоведением и лингвистикой она находится в едином научном поле филологии. В свое время фольклористы приложили немало усилий, чтобы отмежеваться (вполне успешно) от «литературоведческого» подхода к фольклору в пользу «этнографического», но они нередко продолжают использовать категории литературоведческого анализа, наполняя их специфическим содержанием. То же касается методов литературоведческого анализа, которые необходимы, поскольку фольклорные и литературные тексты легко «перетекают» друг в друга. Лингвистические методы, в частности дискурс-анализ, оказываются очень полезными в равной мере для специалистов по устной истории, антропологов, социологов и фольклористов.

В силу особенностей предмета изучения, который имеет синтетическую природу, фольклористика соотносится с исследованиями масс-медиа и цифровой среды (особенно в области веб-этнографии). Язык описания фольклора может быть скоординирован с языком описания цифровой среды, в котором способы конструирования и функционирования текстов обозначаются как «модульность», «модифицируемость», «транскодируемость» (ср.: инвариантность, вариативность, формульность, «переводимость» и пр.).

Современной фольклористике недостает методологической основательности. Представляется, что это свойство описательной науки во многом позволяют компенсировать социологические и социально-антропологические теории – как новейшие, так и «классические».

Совершенно естественно, что в сфере гуманитарных наук периоды «самоопределений» сменяют периоды «размежеваний»,

и вопросы, сформулированные в данном обсуждении, актуальности никогда не утратят. Общность гуманитарных наук существует независимо от официальных кодификаций и проявляется, в частности, в стремлении скоординировать методы, технологии и языки исследований, чтобы «свои» и «другие» не становились «чужими».

Андрей Л. Топорков

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, atoporkov@mail.ru*

1

Термин «фольклор» в 1920-е гг. пришел на смену таким описательным выражениям, как «народная словесность», «устная словесность» и «устная народная словесность». В советский период «фольклор» сосуществовал с «народным творчеством» и даже «народным поэтическим творчеством». В отличие от этих дву- или трехсоставных выражений слово «фольклор» не обременено избыточными коннотациями. Например, в словосочетании «письменный фольклор» нет чего-то шокирующего, в то время как «письменная устная словесность» звучало бы довольно странно. Аналогичным образом для носителя русского языка естественно назвать музыкальным фольклором народные танцы, а вот назвать танцы словесностью язык как-то не поворачивается. Слово «народный» поневоле навязывает представление о народе как о каком-то нерасчленимом множестве относительно однородных субъектов, хотя фольклор существует и в кругу людей, чья принадлежность к народу может вызывать сомнения. Носитель русского языка скорее назовет шутки и анекдоты IT-специалистов «фольклором», чем «народным творчеством». Термин «фольклор» удобен еще и тем, что от него легко образовать название науки («фольклористика») и специалистов в данной области («фольклористы»).

Сама формулировка вопроса: «Где вы видите рубежи предметного поля фольклористики?» – очень показательна. Слово «рубежи» создает образ границы, которую нужно защищать от какого-то вражеского нашествия. Между тем у предметного поля фольклористики нет определенных границ, установленных на основании объективных принципов, а те границы, которые создают сами фольклористы, имеют проницаемый и подвижный характер.

Желание зафиксировать «рубежи» предметной области фольклористики возникает, как правило, в тех случаях, когда исследователям нужно институционально закрепить свое место в социальном пространстве и в имеющейся номенклатуре научных дисциплин, например, необходимо дать какое-то название кафед-

ре или отделу, сотрудники которого изучают устные традиции и ритуалы, или нужно, чтобы диссертации по специальности «Фольклористика» соответствовали какому-то общепринятому стандарту. Такие пропедевтические определения фольклористики необходимы для социального функционирования науки, однако мало учитываются в практике реальных исследований.

Понимание предметной области фольклористики значительно отличается в разных странах. В России, как уже отмечалось, к фольклору относят прежде всего устное народное творчество, хотя в англоговорящих странах к фольклору относят также многое другое, например народные промыслы, традиционную кухню, праздники и фестивали и т. д. Чтобы как-то разрешить это противоречие, говорят о понимании фольклора в узком и широком смысле.

Самое простое определение фольклора заключается в том, что это понятие описывает совокупность устных текстов, которые функционируют преимущественно в рамках традиционного общества. Такие нехитрые определения фольклора, которые даются в учебных целях, при попытке их углубления и конкретизации требуют множества уточнений и дополнений.

В российской науке разграничение между фольклором и нефольклором традиционно проводится прежде всего по признаку наличия или отсутствия вербального компонента и по линии противопоставления устной и письменной речи. Иными словами, к фольклору с большим основанием относятся определенные устные высказывания, чем письменные тексты или виды деятельности, лишённые словесного сопровождения. Однако такие противопоставления работают скорее как некая тенденция и имеют весьма условный характер. Например, фольклором вполне допустимо считать народные танцы, народную медицину, детские игры, хотя в них может отсутствовать словесное сопровождение. В предметную область фольклористики включаются также «небесные письма» или «письма счастья», песенники, сборники пословиц и духовных стихов, лубочные издания и лубочные картинки, несмотря на то что они распространяются в виде рукописей или печатных текстов.

К набору признаков, характеризующих фольклор, помимо вербальности и устного характера функционирования, относятся также традиционность, коллективность, вариативность, полиэлементность, синкретизм, функциональность, инклюзивность (включённость в практическую деятельность), неофициальный характер, импровизационность. Такие явления, которые обладают полным набором перечисленных признаков, с большим основанием могут быть отнесены к фольклору, чем такие, которые характеризуются только отдельными признаками. Например, в русской

традиции полным или почти полным набором этих признаков обладают такие жанры, как былины, исторические песни, духовные стихи, различные виды сказок, лирические песни, баллады, причитания, различные тексты, сопровождающие семейные и календарные обряды, былички, предания и легенды, пословицы, поговорки, загадки, произведения детского и материнского фольклора. В отличие от них, например, приметы, поверья, гадания, толкования снов, мемораты, проклятия, благословения, прозвища характеризуются только отдельными признаками из этого перечня, однако и они, несмотря на это, вполне могут быть отнесены к фольклору.

Для осмысления фольклора важна именно структура признаков, а не вопрос о наличии или отсутствии того или иного признака из их общего набора. С одной стороны, ни один из приведенных признаков по отдельности не является обязательным, а с другой – каждый из них, взятый сам по себе, вне системы, может характеризовать не только фольклор, но и различные виды книжности, профессионального искусства, традиционных промыслов, ритуалов и обычаев. Например, как уже отмечалось выше, устность является одним из самых очевидных признаков фольклора, однако он может существовать не только в устной, но и в письменной форме. Так, заговоры и духовные стихи функционируют параллельно в устной и рукописной традиции, их могут исполнять и по памяти, и по рукописи. Коллективность также имеет относительный характер; например, во многих традициях, в том числе и архаических, песни сочиняются в процессе индивидуальной импровизации, и соплеменникам известно, кто именно сочинил ту или иную песню, однако на этом основании вряд ли можно исключить ее из области фольклора. Вариативность свойственна не только устной словесности, но и рукописной традиции; вообще средневековая книжность по способам своего функционирования имеет много общего с фольклором.

Таким образом, существуют обширные области социальной деятельности и совокупности текстов, которые обладают отдельными признаками фольклора и могут изучаться методами фольклористики, однако при этом не имеют всего набора признаков, приведенного выше.

Объектами изучения фольклориста могут стать и такие явления, которые сами по себе, казалось бы, не имеют отношения к фольклору. Например, паровоз, конечно, не связан с фольклором, но устные нарративы машинистов и кочегаров представляют интерес для фольклориста. Луна и звезды также далеки от фольклора, однако легенды о том, кто изображен на луне, относятся к области фольклора.

Интерес к народному творчеству проявляют не только фольклористы, но и литературоведы, лингвисты, психологи, социологи, историки, востоковеды, античники, медиевисты, а также переводчики, преподаватели русского языка и литературы, русского как иностранного, писатели, художники, деятели театра и кино и т. д. Записи фольклора можно использовать для изучения диалектов и истории языка, частушки и анекдоты – для характеристики политических взглядов и общественных настроений, страшилки – для постижения детской психологии, легенды и сектантский фольклор – для изучения народной религиозности и т. д.

В принципе возможны два разных подхода к вопросу о границах фольклористики. Первый из них можно назвать «пуристическим»; смысл его заключается в том, чтобы четко очертить границы фольклористики и противопоставить ее другим научным дисциплинам (например, лингвистике, литературоведению или этнографии). Второй подход можно назвать «междисциплинарным»; речь идет о том, что к фольклору можно отнести все то, чем занимаются или хотят заниматься фольклористы безотносительно к традиционным представлениям о том, что относится к фольклору, а что к нему не относится. Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки.

Рациональное зерно пуристического подхода заключается в том, что он позволяет сосредоточиться на классических жанрах фольклора и осваивать и развивать апробированные ранее в фольклористике методы и подходы. Рациональное зерно междисциплинарного подхода в том, что он позволяет актуализировать периферийные зоны фольклора и применять к ним методы и подходы, разработанные в других научных дисциплинах (в частности, в лингвистике и культурной антропологии).

В то же время пуристический подход, если его применять последовательно, обрекает фольклористику на некоторую замкнутость и невосприимчивость к современности, а междисциплинарный подчас приводит к тому, что фольклором начинают заниматься люди, не имеющие достаточной профессиональной подготовки в данной области, не знакомые с историей науки, некритически воспринимающие модные, но сомнительные теории.

К сожалению, не так трудно представить себе ситуацию, при которой фольклористика вообще перестанет существовать как самостоятельная научная дисциплина, а функции кафедр и отделов фольклора будут перераспределены между другими кафедрами и отделами. Кстати, во многих вузах именно это в настоящее время и происходит. В связи с этим «борьба за фольклор» имеет не только характер интеллектуальных изысков, но и связана с повседневной борьбой за выживание многих достойных специалистов.

2

Опыт фольклористики может быть продуктивно использован литературоведами, лингвистами, историками, культурологами, политологами, психологами.

Историческая поэтика предполагает совокупное рассмотрение устных и книжных традиций в их историческом развитии. Наблюдения над исполнителями эпических произведений в естественной обстановке позволили фольклористам выдвинуть гипотезы о структуре эпической памяти сказителей и о соотношении устных и книжных эпосов. Наблюдения, основанные на фиксации «живых» эпосов, используются исследователями древних и средневековых эпосов, сохранившихся в письменных источниках.

При построении общих курсов истории всемирной литературы или литературы тех или иных народов фольклорные тексты рассматриваются как предшественники и источники литературных жанров, сюжетов и образов. Например, без обращения к фольклорному материалу не могут быть поняты «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Повесть о взятии Рязани Батыем», «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о бесноватой Соломонии» и многие другие произведения.

Современные методы фольклористики, предполагающие систематизацию и структурный анализ множества произведений и их вариантов и версий, успешно применяются при изучении рукописных традиций, массовой литературы, лубочных картинок, средневековой иконографии. Такой подход особенно продуктивен в тех случаях, когда сходные жанровые образования существуют параллельно в устных и письменных разновидностях. Некоторые явления рукописной книжности по существу представляют собой литературные проекции фольклорных жанров: книжные плачи (причитания), афоризмы, анекдоты, исторические предания, литературные сказки, видения, притчи, произведения смеховой литературы, многие записи чудес в агиографии.

Несомненные достижения фольклористики связаны с составлением сюжетно-мотивных указателей мифов, сказок, былин, баллад, произведений других жанров. Этот опыт успешно используется литературоведами для составления указателей литературных сюжетов и «вечных образов».

Фольклористам удалось впервые выявить универсальные закономерности построения нарративных текстов. Методы структурного анализа сказки, разработанные В.Я. Проппом в «Морфологии сказки», а впоследствии его продолжателями, успешно применяются при изучении самых разных нарративов от Библии до современных детективов.

К работам фольклористов обращаются исследователи творчества В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, А.К. Толстого, А.М. Ремизова, А.А. Блока, А. Белого, Н.А. Клюева, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова и других писателей, которые широко использовали фольклор как источник сюжетов и образов. Так называемый мифопоэтический подход успешно применяется при анализе поэзии и прозы русского символизма и других модернистских направлений в литературе XX в.

Изучение поэтики художественных произведений началось еще в первой четверти XIX в. с изучения поэтики и стихосложения фольклора (работы А.С. Шишкова и А.Х. Востокова). Прием психологического параллелизма, различные тропы, звуковые повторы и т. п. изучаются параллельно на материале устных и книжных традиций (см., например, [Десницкий 2007]).

Наблюдения фольклористов за народными верованиями, образами сказок, песен, народной поэзии используются лингвистами при разысканиях в таких областях, как историческая фразеология, семасиология, этимология, лингвострановедение, переводоведение, история культурных слов, языковая картина мира и т. д.

История фольклора, которая прослеживается у некоторых народов на протяжении нескольких веков или даже тысячелетий на основании записей фольклористов и их предшественников донаучной эпохи, записей иностранных наблюдателей, проекции устной традиции в литературные тексты и различные письменные источники, составляет часть общей культурной истории того или иного народа. Такие данные, собранные и осмысленные фольклористами, используются этнографами, историками, культурологами. Исследования фольклористов составляют важную часть изучения культуры славянских, германских, романских, финно-угорских, тюркских и других народов.

Историки используют слухи, анекдоты, частушки и наблюдения фольклористов о функциях политического фольклора при анализе общественных настроений, ментальных установок и их динамики в кризисные периоды развития общества. Хотелось бы в этом отношении особо отметить книги Б.И. Колоницкого и В.Б. Аксенова [Колоницкий 2010; Аксенов 2020].

Интересы исследователей духовных стихов, религиозных легенд, заговоров, суеверных меморатов смыкаются с интересами историков, изучающих народные верования, религиозные практики, область воображаемого, коммуникации с миром сверхъестественного, представления о загробном мире.

В XX в. произошла широкая экспансия концепций мифа и мифологии в самые разные области гуманитарных и социальных наук; в связи с этим фольклористические подходы к мифу востре-

бованы при осмыслении идеологических и политических мифов, изменений коллективной психологии в периоды войн и революций, поведения «толп», зарождения массовых тоталитарных движений.

Сведения по народной медицине, разыскания о разных видах одержимости и народной психиатрии, об общении со сверхъестественными существами, обмираниях и видениях потустороннего мира составляют законную часть истории медицины и особенно истории психиатрии.

Сравнительное изучение фольклора и мифологии предоставляет ценные материалы для изучения дописьменной истории народов, их переселений, территории проживания в разные периоды. Как показали, в частности, работы Ю.Е. Березкина и его коллег, распространение комплексов мифологических мотивов и сюжетов коррелирует с генетическими, лингвистическими и археологическими данными о ранней истории человечества.

3

Современная фольклористика в наибольшей степени сближается с лингвистикой (языкознанием), этнографией (этнологией, культурной и социальной антропологией), литературоведением, а также – хотя и в меньшей степени – с религиоведением, искусствоведением, культурологией, социологией, психологией, устной историей, социальной и культурной историей, микроисторией, визуальной антропологией, семиотикой, информатикой, крестьяноведением, географией.

Характерная черта нашего времени – появление субдисциплин, которые объединяют предметные поля, методы и инструментарий разных наук. Например, на пересечении фольклористики и лингвистики сформировались этнолингвистика, лингвофольклористика, паремиология; особый интерес к фольклору проявляют диалектологи, фразеологи, ономасты, исследователи культурной лексики, языковой картины мира, устной речи.

Лингвистическая подготовка поможет фольклористу адекватно фиксировать, обрабатывать, готовить к архивизации и публикации тексты устной традиции. В этом отношении плодотворным представляется сочетание фольклорной и диалектологической практики. Владение лингвистическими навыками необходимо для изучения таких пограничных явлений, как лексика обрядов и верований, народная этимология, речевые табу и эвфемизмы, имена собственные и клички животных, группы лексики, несущие большой объем культурной информации (например, географическая и астрономическая терминология), проклятия, благословения, магические и этикетные формулы.

В рамках этнолингвистики разработаны научные подходы, которые успешно используются и фольклористами; например, ареальный подход к диалектной культуре и картографирование, принцип совместного изучения «слов» и «вещей», особый интерес к прагматике речевой деятельности и устнопоэтических текстов, осмысление ключевых слов культуры как свернутых сюжетов, семиотический анализ природного окружения человека, принципы структурно-семантического исследования обрядов и верований с перспективой реконструкции «картины мира» и архаического пласта народной культуры.

Исследователи истории фольклора и публикаторы старых записей, сделанных нашими предшественниками, используют весь спектр методов, разработанных в архивоведении, источниковедении, кодикологии, текстологии. Крупнейшим достижением отечественной фольклористики является издание таких многотомных серий, как «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», «Эпос народов СССР» (позднее «Эпос народов Евразии»), «Памятники русского фольклора», «Свод русского фольклора». При разработке концепций данных серий и подготовке отдельных томов учитывались и общие положения филологической текстологии, и специфика фольклорных материалов.

Все больше влияет на изучение устных традиций общий процесс «антропологизации» гуманитарного знания. Исследователей интересуют не столько сами тексты, сколько их исполнители, функции и культурный контекст. От поисков мифологической архаики фольклористы все больше переключаются на фиксацию и изучение актуального состояния и исторической динамики фольклорной традиции в ее реальном многообразии и взаимном «перетекании» разных жанров. При этом этнокультурная традиция утрачивает свою монолитность и предстает в виде множества локальных, региональных, субкультурных, половозрастных и иных вариантов. СобираТЕЛЬСкая работа переориентируется с фиксации разрозненных текстов на фиксацию целостного репертуара исполнителя, его личной и семейной истории, субъективно-взгляда на окружающее («картины мира»).

Изучение детского фольклора смыкается с антропологией детства, похоронных причитаний – с антропологией смерти, городского фольклора – с антропологией города. Религиозный фольклор рассматривается в свете современных подходов в области религиоведения и антропологии религии.

Одна из тенденций современного гуманитарного знания заключается в сближении науки и технологии. Это выражается, в частности, в появлении визуальной антропологии, которая дает возможность объемной фиксации всей ситуации исполнения

фольклорных текстов в реальном времени и пространстве, неоднократного просмотра одних и тех же записей, многократных фиксаций исполнения одного и того же произведения от одного или разных исполнителей.

Занятия историей фольклора и фольклористики той или иной страны смыкаются с задачами культурной, социальной и политической истории. Развитие фольклористики как научной дисциплины детерминировано историей народа и связано с развитием общественной мысли, всего комплекса социальных и гуманитарных наук, образовательных и научных учреждений. Такие исторические катаклизмы, как войны, революции, реформы, становятся определяющими факторами развития и самого фольклора, и биографической реальности людей, создающих и изучающих этот фольклор.

Для современной фольклористики полезны такие междисциплинарные методы и технологические приемы, которые позволяют обрабатывать, вводить в научный оборот и делать доступными для пользования большие объемы текстового материала как из ранее опубликованных, так и из архивных материалов. Это относится к составлению сюжетно-мотивных указателей, которые могут пополняться on-line в течение длительных периодов с привлечением больших групп специалистов и волонтеров. Создание электронных баз данных делает доступными архивные материалы, хранящиеся в удаленных городах и странах, значительно увеличивает количество доступных для исследователя данных и облегчает поиск необходимых сведений. Все это создает необходимую базу для сравнительно-исторических, компаративных, кросс-культурных и иных исследований.

Благодаря международным информационным системам становится доступной научная литература, издаваемая во всем мире. Практически сводятся до минимума ограничения, налагаемые местом проживания ученого и удаленностью библиотек. Если в прошлом проходили подчас десятилетия между записью текста и его публикацией, то в настоящее время имеется техническая возможность вывесить экспедиционные материалы вскоре после возвращения из экспедиции.

4

Мне было бы интересно обсудить возможности реконструкции архаических форм фольклора на материале древнерусской культуры и других традиций.

Литература

- Аксенов 2020 – *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции: Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Десницкий 2007 – *Десницкий А.С.* Поэтика библейского параллелизма. М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2007. 553 с.
- Колоницкий 2010 – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.

References

- Aksenov, V.B. (2020), *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the war and revolution (1914–1918)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Desnitskii, A.S. (2007), *Poetika bibleiskogo parallelizma* [Poetics of Biblical Parallelism], The Bible-Theological Institute of St. Apostle Andrew, Moscow, Russia.
- Kolonitskii, B.I. (2010), *“Tragicheskaya erotika”: Obrazy imperatorskoi sem’i v gody Pervoi mirovoi voyny* [“Tragic Erotica”: Images of the Imperial Family during the First World War], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

Лариса Л. Фиалкова

*Хайфский университет, Хайфа, Израиль,
lara@research.haifa.ac.il*

1

Мое первое знакомство с новым пониманием фольклористики совпало с эмиграцией в Израиль в 1991 г. и началом работы в Израильском архиве фольклорного рассказа при Хайфском университете. Четкие определения, запомнившиеся на курсе по введению в устное народное поэтическое творчество в 1974–1975 гг., развеялись, как дым. А с ними и представление о возможности установить раз и навсегда границы как внутри дисциплины, так и в ее взаимодействии со смежными дисциплинами. Но проблема эта отнюдь не нова. Когда-то Рафаэль Патай, защитивший в 1936 г. первый в Еврейском университете в Иерусалиме докторат, причем именно по фольклору, так и не смог получить там должность и был вынужден эмигрировать в США. В Палестине в то время доминировала историко-филологическая школа, и его увлеченность полевой работой отклика не находила. Позднее, перейдя в антропологию,

Патай пытался вернуться в Израиль, но получил холодный ответ Шломо Дова Готейна: «Науку о человеке трудно признать дисциплиной, потому что она включает в себя целый факультет гуманитарных наук со всеми его ответвлениями»². С фольклористикой дело обстоит похожим образом, но я все же считаю ее дисциплиной. Думаю, что дело определяется не столько своим или чужим полем, сколько тем, что на нем планируют найти или вырастить и с помощью каких методов.

2

Думаю, что особое значение в нефольклорных сферах имеют свойственные фольклору вариативность и тенденция воспринимать факты по определенной сюжетной схеме. Эти факторы имеют значение и в литературоведении, особенно при изучении массовой литературы, и в коммуникации в связи с изучением прессы и электронных сетей, и в социологии при использовании качественных методов и т. д.

3

Наиболее близки к фольклористике антропология, социология, этно- и социолингвистика, литературоведение (изучение массовой литературы).

4

Я бы добавила вопрос о личном опыте осознания дисциплинарных границ и/или стратегиях маневрирования на «нейтральной территории». Я начинала свою профессиональную деятельность как литературовед, потом перешла в фольклористику и, по прошествии многих лет, совместила обе тропинки в единый путь. Меня, как и в юности, по-прежнему интересует фантастика, но темы, которые я выбираю, в значительной мере определены опытом фольклористики. Для человека, сравнивавшего альтернативную биографию Олексы Довбуша в славянском и еврейском фольклоре, логично обратить внимание на фольклоризацию образов Булгакова, Ахматовой и Гумилева в современной фантастике. Знание обеих дисциплин не позволяет мне отождествлять русалку или оборотня в фольклоре и в художественной литературе как равно фантастические образы. И когда такое отождествление раз за разом звучало на конференции «Славянский фольклор и лите-

---

² Прочитировано в книге Дани Шрире «Исуф шиврей ха-гола: хекер ха-фольклор ха-циони ленохах ха-шоа» [Собирание осколков диаспоры: Исследование сионистского фольклора в контексте Холокоста] (2018) на стр. 152 в примеч. 176: *איסוף שברי הגולה: חקר הפולקלור הציוני לנוכח השואה*

ратурная фантастика», проходившей в Тршице в сентябре 2019 г., я инициировала дискуссию. Соприкосновение с другими дисциплинами часто происходило в годы нашей с социолингвистом Марией Еленевской работы по фольклору выходцев из бывшего СССР в Израиле. Поскольку мы записывали не только устоявшиеся жанры фольклора, например анекдоты, пословицы или садистские стишки, но и прежде всего личные рассказы, мы оказывались на общем поле с историками, социологами и антропологами. Запомнилась дискуссия, разразившаяся в Еврейском университете в Иерусалиме в 2008 г. на чтениях, организованных Ассоциацией по документированию устных свидетельств. Водораздел прошел по профессиональному принципу. Фольклористы, Михаль Хельд и я³, столкнулись с историком Менахемом Фридманом. Все мы записывали и изучали личные рассказы, но проф. Фридман стремился спрямить их, избавить от субъективности, сделать неотличимыми от фактов, знакомых ему по письменным источникам, в непогрешимости которых он не сомневался. Мы с Михаль считали информантов носителями знания, а проф. Фридман считал таковым себя. Нас интересовали не только факты, но и то, о чем информанты умалчивали, как и то, что они предпочитали акцентировать, т. е. переработка фактов в рассказ. Проф. Фридман видел в рассказах шелуху и стремился сломать сюжет, уводящий от факта. Кто из нас был на чужом поле – Михаль Хельд и я на поле историка или проф. Фридман на нашем фольклорном поле? Третий пример связан с нашей с Марией Еленевской работой об отношении иммигрантов к закону и к суду, в которой мы вторглись в сферу юридической антропологии. Наш интерес к теме возник как следствие интервью. Сначала тема закона и суда всплыла спонтанно, поскольку тревожила наших информантов, нередко чувствовавших себя незащитными перед ними. Позднее мы инициировали глубокие интервью с теми из них, у кого был соответствующий опыт. Не имея юридического образования, мы изначально решили ограничиться сферой внешней юридической культуры, носителями которой являются широкие слои населения. Внутренняя юридическая культура, присущая юристам, осталась вне сферы нашего внимания. Мы записывали рассказы о судах, но не рассматривали судебные дела, считая, что не обладаем для этого достаточными знаниями. На определенном этапе мы подали заявку на грант, указав, что деньги нужны нам, в частности, для того, чтобы оплатить работу ассистента, аспиранта юридического факультета. Несмотря на положительные отзывы о нашей заявке, в гранте нам отказали,

---

³ Доклад был написан мною в соавторстве с Марией Еленевской, но на заседании наш дуэт представляла я.

мотивировав отказ необходимостью в полноценном соавторстве юристе, а не в ассистенте. Не решившись на третьего соавтора, мы ограничились несколькими статьями, проверенными публикацией одним русскоязычным и двумя ивритоязычными израильскими адвокатами.

Я дописываю этот текст после конференции Американской ассоциации фольклористов (AFS) в Балтиморе. Важность междисциплинарности, с одной стороны, и страх потери фольклористикой собственного места в академических структурах, с другой стороны, звучали во многих докладах. Учитывая трудности выживания в период кризиса гуманитарного знания, вопрос о границах дисциплины имеет, думаю, прежде всего практическое значение. И, с этой точки зрения, я готова признать любое определение, позволяющее фольклористике выжить. В реальной научной работе эта проблема вторична, поскольку границы периодически пересматриваются.

Петр Янечек

Карлов университет, Прага, Чехия, petr.janeczek@ff.cuni.cz

1

К сожалению, во многих национальных научных традициях отсутствует институционализируемая фольклористика как отдельная научная дисциплина; предмет фольклора, таким образом, там изучается другими научными отраслями, чаще всего историей литературы, лингвистическими дисциплинами, социокультурной антропологией или европейской этнологией. Например, у меня на родине, в Чехии, главные светочи изучения фольклора в Пражской школе сравнительного литературоведения, такие как Йиржи (Георг) Поливка, Вацлав Тилле или Ян Мачал, работали в основном в области славистики и идентифицировали себя как историки литературы. Следующее поколение этой научной школы во второй половине XX в. – Йиржи Горак, Карел Горалек или Карел Дворжак – представляли собой особую академическую «породу» *národopisci* («этнографов»), специализировавшихся на устных традициях. *Národopis* как дисциплина была чешской национальной версией пангерманистской, отчасти националистской области *Volkskunde*, фокусировавшейся на традиционных устных («народных») культурах соответствующих европейских стран. С начала 1950-х гг. под российским (или, скорее, советским) влиянием чешская *národopis* формально разделилась на две сравнительно отдельные области: *etnografie* (изучение материальной культуры) и *folkloristika* (изучение нематериальной, духовной культуры). Сегодня, с недавней перестройкой этой области в современную

европейскую этнологию и/или социокультурную антропологию, это разделение довольно нечетко. Теперь фольклором занимаются академические эксперты из всех этих областей.

А что же сказать о фольклоре как предмете? Я склонен думать, что все возможные определения фольклора должны указывать на свойства *вариативности* и *коллективности* (или *коммунальности*). Все образцы фольклора (и не имеет значения, на самом деле, определяем ли мы их как тексты, перформативные акты, практики или даже артефакты) обладают определенной степенью вариативности содержания (с обычно более стабильными формой и структурой), что вызвано их неформальной, вернакулярной передачей (будь та устной, материальной или цифровой) во времени и пространстве. Эта передача связана с коллективностью, или коммунальностью, фольклора: даже при передаче с помощью средств массовой коммуникации или цифровых медиа всегда есть некая передающая его и воспринимающая его как часть своего культурного «языка» культура, субкультура или социальная группа. Вариативность и коллективность/коммунальность, таким образом, являются отличительными чертами фольклора – первая относится к его уникальности в сравнении с иными образцами культуры (такими, как социальные нормы, мировоззрение и т. п., которые обычно более стабильны во времени и пространстве), а вторая – к его социальной базе. Прочие обычно упоминаемые черты фольклора, такие как устность, историчность, интертекстуальность и т. д., по большей части вторичны по отношению к его природе.

2

Фольклористы – особая порода ученых, поскольку они интересуются преходящими, эфемерными, аморфными, беспрестанно меняющимися образцами культуры, которые зачастую передаются чрезвычайно смутными культурными путями наподобие устных традиций, граффити в туалетах или интернет-мемов. Я полагаю, что все аспекты фольклористической методологии, которая старается просто *документировать* и *каталогизировать* эти ускользающие элементы культуры, могут быть чрезвычайно продуктивны во множестве иных областей гуманитарного и общественно-научного знания – но только если там будут знать о существовании фольклористики как отдельной науки!

3

Помимо очевидной триады фольклористики, социокультурной антропологии и европейской этнологии (с возможным прибавлением теории литературы), современный фольклор представляет собой особый интерес еще и для культурологии; он чрезвычайно

важен для общего изучения популярной культуры и для специализированных областей вроде изучения волшебных сказок. Цифровой фольклор, такой как «утки» и мемы, очень интересен для изучения медиа и коммуникаций, а изучение теорий заговора все более и более интересно для социологии, политологии и истории новейшего времени. Исследователи, изучающие эти образцы современного фольклора, могут применять полезные «сторонние» методы, такие как контент-анализ и контент-анализ медиа; в изучении цифрового фольклора также могут быть очень полезны современные количественные и статистические методы.

4

Полезно напоминать о нынешнем довольно прискорбном положении фольклористики во многих центрально- и восточноевропейских странах, где в 1990-х гг. эта область пришла в упадок; ее обвиняли в обслуживании идеологии национализма и/или государственного социализма, и только сейчас наша наука постепенно возрождается, хотя по большей части и в связи с этнологией и/или социокультурной антропологией.

Перевод с английского Марии-Валерии Моррис

Уло Валк

Тартуский университет, Тарту, Эстония;

ulo.valk@ut.ee

1

Когда Уильям Томс в 1846 г. очерчивал «фольклор» как понятие и как предмет исследования, он не давал четких определений, а писал о «старинных нравах, традициях, обрядах, суевериях, балладах, пословицах и т. п.» [Thoms 1999, p. 11]. Что здесь очень важно – он выводит невербальные формы фольклора на передний план, а также оставляет свой перечень открытым, что для нашей области сейчас – важные характеризующие моменты. На протяжении XX и XXI вв. мы видели самые разные подходы к истолкованию и определению «фольклора». Самой ранней тенденцией была трактовка «фольклора» как некоего монолита, набора великих устных артефактов прошлого – подход, послуживший инструментом конструирования этнического наследия в тех культурах, которым не досталось древней книжности. Осмысление фольклора как наследия оказало колоссальный эффект на конструирование наций, и оно до сих пор релевантно для тех народов и этнических групп, чья идентичность либо культурная автономия не вполне устоялась. При тоталитарных режимах политическая спекуляция

«фольклором» на государственном уровне может принимать опасные формы. Таким образом, «фольклор» с самого своего начала – не просто научный термин из области изучения устной культуры, но мощнейшая идея с огромным политическим потенциалом и потенциальное орудие идеологической манипуляции. Монолитное определение фольклора успело оказать огромное социальное воздействие, равно как и медвежью услугу фольклористике как науке, поскольку оно поместило ее предметное поле в далекое прошлое, и эта область стала отчетливо ассоциироваться с национал-романтизмом. Вопросы аутентичности и дихотомии фольклора и фейклора, с помощью которых некогда выстраивался авторитет фольклористики как научной дисциплины, также оказали негативные побочные эффекты сужения поля исследования и игнорирования роли креативности в традиции. В наше время фольклор появляется в новых медиа, новых жанрах и новых средах, к примеру – в Интернете со всей его мультифасеточностью. Многие из нынешних форм живого фольклора едва ли прошли бы традиционную проверку на аутентичность.

В 1995 г. вышел специальный номер *Journal of American Folklore* под заглавием «Общее место: ключевые слова для изучения выразительной культуры», в котором описывались семь важнейших понятий в фольклористике [Feintuch 1995]. Несколько лет спустя *Journal of Linguistic Anthropology* предпринял схожую, и даже более масштабную, попытку обрисовать теоретические и методологические основы лингвистической антропологии. Алессандро Дуранти выступил редактором тома из 75 энциклопедических статей о ключевых понятиях в изучении языка [Duranti 1999]. В то время как лингвистическая антропология, вне всякого сомнения, одна из ближайших к фольклористике дисциплин, важно отметить, что пять из упомянутых в *Journal of American Folklore* ключевых понятий в *Journal of Linguistic Anthropology* отсутствуют. Эти исключительно фольклористические понятия – *традиция, искусство, текст, группа и контекст*. В этом списке из пяти пунктов мы видим отличительные черты фольклористики и фокуса наших исследований. Конечно же, можно продолжать этот перечень и иными значимыми ключевыми понятиями, такими как *жанр, исполнение/перформативность, идентичность, вернакулярность* и само слово «*фольклор*». Мыслить гибкими концепциями и признавать текучую природу фольклора мне представляется более продуктивным, чем пытаться обозначить четкую границу между фольклором и не-фольклором. Многие области культуры, такие как литература, кино, религия, ритуалы, медиа, визуальная культура, музыка, театр и другие перформативные искусства, могут включать в себя фольклорные элементы либо сами по себе быть фольклорными.

То же можно сказать и о различных сферах, о туризме, спорте, политических и субкультурных движениях – области, которую можно назвать «постчеловеческий фольклор» [Thompson 2019]. Открытые определения фольклора, такие как «неформальная, традиционная культура» у Линн С. МакНил [McNeill 2013, p. 13] или «традиционное знание, применяемое на практике и происходящее из практики» у Саймона Дж. Броннера [Bronner 2017, p. 46], мне представляются вполне достаточными в качестве общих рамок, очерчивающих наши полевые исследования.

Безусловно, фокус на текущей социальной жизни фольклора не может заменить ретроспективные исследования и архивную работу. Их непременно надо продолжать. Однако, если искать фольклор только в прошлом, считать его чисто устным феноменом и изучать его со все возрастающей временной дистанции, мы окажемся во все уменьшающемся поле, состоящем из текстовых окаменелостей и культурных пережитков. Это также ослабит социальные основы фольклористики, которая как дисциплина обладает всем необходимым инструментарием для изучения живой и зарождающейся культуры.

2

Знание природы устного исполнения позволяет нам осмыслить вербализацию как творческие процессы, а письменную текстуализацию – как финализацию фольклорного высказывания. Как фольклористы мы подготовлены для изучения культуры за рамками ее институциональных, профессиональных и индустриальных форм. Мы знаем, что предписанные истины, политические лозунги и официальные ритуалы во всех обществах как в прошлом, так и сейчас вызывают вернакулярные реакции. Различные формы креативности, зарождающиеся традиции и «нефольклорный материал» формируют важную область изучения. Хороший пример этого – недавняя монография Сары И. Джонстон по греческой мифологии [Johnston 2018]. Поскольку древняя мифология выжила в большой степени благодаря книжным источникам, а ученые нередко обсуждали ее как форму литературы, подход Сары Джонстон вдохновлен фольклористикой. У нее получилось показать, как мифическое стало частью человеческого опыта древних греков и как нарративы и образы сохранялись в обращении посредством устных исполнений во время исполнения ритуалов в святилищах и отмечания религиозных праздников. Для Джонстон «миф» – не эссенциалистское понятие, но скорее эвристическая категория, гетерогенная область культурной экспрессивности, в которую включаются не только эпос, народные сказки, легенды, заговоры, поэзия, но и визуальные искусства. Она очерчивает некоторые

черты мифического, характеризующие жанр в греческой традиции, такие как связь мифов с географическими локациями, важность имен, сеть персонажей и хронологический порядок мифологии. Осмысление мифологии как живого фольклора в социальном контексте позволило ей пролить новый свет на античное наследие Европы.

3

Мне сложно думать о четко установленных границах между фольклористикой и иными дисциплинами, но наша история объединяет нас, с одной стороны, с филологией и литературоведением, а с другой – с социально ориентированными науками. Помимо этого, для нас релевантны некоторые последние открытия в области культурологии и постструктуралистских гуманитарных наук. Локальные и национальные научные традиции демонстрируют множество различных трендов, и это можно считать сильной стороной фольклористики. К примеру, в Эстонии существует давняя традиция фольклористического изучения народной религиозности и ее взаимоотношений с институциональными формами религии. Выдающимся представителем этого подхода был Оскар Лооритс (1900–1961), и если вспомнить таких ученых, как Мартти Хаавио (1899–1973) и Лаури Хонко (1932–2002) в Финляндии, то мы увидим некий паттерн, связывающий фольклор с религиоведением. Сегодня можно говорить о фольклористике религии как об автономном подходе, тесно связанном с иными новыми поворотами в религиоведении. По мере того как церковь во многих странах теряет авторитет и институциональные рамки религии слабеют, в западном мире все более актуальны становятся вернакулярные верования и магические практики. Вместо священных писаний и церковных традиций многие ученые теперь изучают подобные неортодоксальные традиции, а также нерелигиозные формы веры, такие как теория заговора, политические убеждения и социальные стереотипы. Летом 2019 г. Европейская ассоциация по изучению религий провела свою 17-ю ежегодную конференцию в Университете Тарту, и фольклористы сыграли огромную роль в подготовке этого научного форума и внесению разнообразнейшего вклада, основанного на полевой работе не только в Европе, но и в Индии, Тибете, Монголии и других регионах.

4

Без подготовки профессиональных ученых фольклористика не может развиваться как научная дисциплина. В поддержании идентичности фольклористики как дисциплины огромную роль играют университетские программы. С одной стороны, взаимо-

действие и кооперация с другими дисциплинами дает нам видимость и укрепляет нашу автономную позицию в академии, с другой стороны, в силу ограниченности ресурсов в гуманитарных и общественных науках, дисциплины соперничают друг с другом, и это значит, что мы должны осознавать риски академических плавильных котлов. Уже несколько университетских программ и кафедр фольклористики столкнулись с административным давлением в пользу унификации и становления частью более широких областей знания – культурологии, антропологии, филологии, межкультурных исследований и пр. – как бы эта более широкая область ни называлась. Это всегда шаг рискованный. В 1990-е гг. американские фольклористы спорили о функциональности термина «фольклор», в результате чего некоторые из них предложили переименовать поле, чтобы лучше приспособиться к обновленным научным практикам и избежать некоторых негативных коннотаций термина «фольклор». Легендарный фольклорист Дэн Бен-Амос бурно с этим не соглашался, утверждая, что «имя есть вещь», и доказывая, что «оценка фольклора как дисциплины зависит от качества наших исследований, а не от того, как мы именуемся» [Ban-Amos 1998, p. 271]. Я убежден, что он был прав. «Фольклору» требуется постоянная критическая рефлексия и переосмысление – несмотря на тот факт, что он хорошо послужил нашей науке и как динамическая концепция выражает ядро фольклористических исследований. Как фольклористы, мы несем ответственность за прошлое и за будущее нашей дисциплины – не только у себя на родине, но и во всем мире.

Перевод с английского Марии-Валерии Моррис

Литература

- Ban-Amos 1998 – *Ban-Amos D.* The name is the thing // *Journal of American Folklore.* 1998. Vol. 111. No. 441. P. 257–280.
- Bronner 2017 – *Bronner S.H.* *Folklore: The basics.* London; New York; Routledge, 2017. 240 p.
- Duranti 1999 – *Journal of Linguistic Anthropology* / Duranti A. (ed.). 1999. Vol. 9. No. 1–2.
- Feintuch 1995 – *Journal of American Folklore* / Feintuch B. (ed.). 1995. Vol. 108. No. 430 (Common ground: Keywords for the study of expressive culture).
- Johnston 2018 – *Johnston S.I.* *The Story of Myth.* Cambridge: Harvard University Press, 2018. 384 p.
- McNeill Lynne 2013 – *McNeill Lynne S.* *Folklore Rules: A fun, quick, and useful introduction to the field of academic folklore studies.* Logan: Utah State University Press, 2013. 100 p.

- Thompson 2019 – *Thompson T.* Posthuman folklore. Jackson: University of Mississippi Press, 2019. 214 p.
- Thoms 1999 – *Thoms W.* Folk-lore // International folkloristics: Classic contributions by the founders of folklore / Ed. by A. Dundes. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & LITTLEFIELD PUBLISHERS INC., 1999. P. 11–13.

References

- Ban-Amos, D. (1998), “The name is the thing”, *Journal of American Folklore*, vol. 111, no. 441, pp. 257–280.
- Bronner, S.H. (2017), *Folklore: The basics*, Routledge, London; New York, UK; NY.
- Duranti, A. (ed.) (1999), *Journal of Linguistic Anthropology*, vol. 9, no. 1–2.
- Feintuch, B. (ed.), (1995), “Common ground: Keywords for the study of expressive culture”, *Journal of American Folklore*, vol. 108, no. 430.
- Johnston, S.I. (2018), *The story of myth*, Harvard University Press, Cambridge, MA.
- McNeill Lynne, S. (2013), *Folklore rules: A fun, quick, and useful introduction to the field of academic folklore studies*, Utah State University Press, Logan, UT.
- Thompson, T. (2019), *Posthuman folklore*, University of Mississippi Press, Jackson, MS.
- Thoms, W. (1999), “Folk-lore”, in Dundes A. (ed.), *International folkloristics: Classic contributions by the founders of folklore*, Rowman & LITTLEFIELD PUBLISHERS INC., Lanham; Boulder; New York; Oxford, MD; CO; NY; UK, pp. 11–13.

Информация об авторах

Серафима Е. Никитина, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; seniki38@mail.ru

Никита В. Петров, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; nik.vik.petrov@gmail.com

Ирина А. Разумова, доктор исторических наук, Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Россия; 184200, Россия, Мурманская область, Апатиты, Академгородок, д. 40а; irinarazumova@yandex.ru

Андрей Л. Топорков, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а; *atoporkov@mail.ru*

Лариса Л. Фиалкова, кандидат филологических наук, Хайфский университет, Хайфа, Израиль; 3498838, Израиль, Хайфа, Гора Кармель; *lara@research.haifa.ac.il*

Петр Янечек, доктор философии (Ph.D.), доцент, Карлов университет, Прага, Чехия; 11638, Чехия, Прага, пл. Яна Палаха, д. 2, *petr.janecek@ff.cuni.cz*

Уло Валк, доктор филологических наук, профессор, Тартуский университет, Тарту, Эстония; 51003, Эстония, Тарту, ул. Юликооли, д. 16-210, *ulo.valk@ut.ee*

Information about the authors

Serafima E. Nikitina, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 1/1, Bolshoi Kislouvsy lane, Moscow, Russia, 125009; *seniki38@mail.ru*

Nikita V. Petrov, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119571; *nik.vik.petrov@gmail.com*

Irina A. Razumova, Dr. of Sci. (History), Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy Sciences”, Apatity, Russia; bld. 40a, Akademgorodok, Apatity, Murmansk region, Russia, 184200; *irinarazumova@yandex.ru*

Andrey L. Toporkov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Corresponding Member of RAS, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25 a, Povarskaya Av., Moscow, Russia, 121069; *atoporkov@mail.ru*

Larisa L. Fialkova, Cand. of Sci. (Philology), The University of Haifa, Haifa, Israel; 199 Aba Khoushy Ave, Mount Carmel, Haifa, Israel, 3498838; *lara@research.haifa.ac.il*

Petr Janeček, Ph.D., associate professor, Charles University, Prague, Czech Republic; bld. 2, Jan Palach Sq., Prague, Czech Republic, 11638; *petr.janecek@ff.cuni.cz*

Ülo Valk, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Tartu, Tartu, Estonia; bld. 16-210, Ülikooli Av., Tartu, Estonia, 51003; *ulo.valk@ut.ee*